

—О периоде в шесть последующих лет - с 1970 по 1975-й год - я когда-то мечтал написать отдельные записки, нечто вроде романа, для которого даже придумал название: "Гостремиада". Но это можно было сделать лишь по свежим следам, когда в памяти не сгладились все многочисленные выходы Гострема, его колоритно коверканная речь, уникальные фразы. Теперь уже многое забылось, даже то, что остро волновало, веселило и возмущало тогда. Но вернёмся к хронологии.

Представив в декабре диссертацию на кафедре, я получил право на ещё одну, дополнительную аспирантскую стипендию - за январь следующего, т.е. 1970 года. Это позволяло мне в течение ещё одного месяца числиться в ЛГУ. За это время нужно было найти работу.

На Новый год я поехал домой, в Ладушкин. Никаких конкретных реальных идей по трудоустройству у меня не было, надеялся что-нибудь придумать вместе с Сашенькой. С папой я, как мне советовал Б.Е., о своей ситуации говорил, он как раз был в декабре в Ленинграде. Работать у него? Так тем более нужен допуск, да и наука там совсем не та, которой мне хотелось заниматься, и проблема жилья... так что обсуждать-то, собственно, было нечего.

А вот в Ладушкине меня ждали интересные новости. Из Сашенькиных писем у меня уже имелась некоторая предварительная смутная информация о том, что некий профессор собирается якобы занять место начальника станции вместо Тихомирова. Он встречался в Москве с Суходольской, расспрашивал обо всех сотрудниках станции. Суходольская рассказала и обо мне, и профессор просил её связаться со мной и передать мне, чтобы я постарался увидеться с ним в Ладушкине, он там будет в январе. Суходольская написала об этом Сашеньке, Сашенька - мне.

В декабре эти слухи о профессоре подтвердились самым его появлением в Ладушкине, где он встречался с Тихомировым на станции и у него дома. Валя была в восторге от этого профессора, хотя он и собирался занять место её мужа.

- Фамилия его - Гострем. Зовут - Рунар Викторович. Он какой-нибудь прибалт, латыш, наверное, высокий такой, белобрысый, худой. По-русски говорит с сильным акцентом. Очень весёлый мужик, держится запросто. Про всех расспрашивал, и про тебя тоже, - рассказывала Валя. - Он тебя на работу точно возьмёт. Говорит, что ему нужны квалифицированные специалисты, а у тебя уже диссертация готова.

Валя знала, что на Севере от меня отказались и болела за то, чтобы я остался в Ладушкине. И вскоре после Нового года, в ясный январский день, когда я был, как обычно, на станции, к первому зданию подкатила машина, из которой выскочил высокий мужчина лет за пятьдесят, в очках, в распахнутом светлом, но замызганном пальто с меховым воротником и в шапке набекрень. Нетрудно было догадаться, что это и есть профессор Гострем. За ним вылез ещё кто-то, не такой видный. Как выяснилось - Владимир Васильевич Мигулин, член-корреспондент Академии Наук, недавно сменивший на посту директора ИЗМИРАН Николая Васильевича Пушкина.

Профессор весело и уверенно (с громким "Здравствуйте!" в коридоре) прошагал, как к себе домой, в кабинет Тихомирова в сопровождении Мигулина, Стасика и Харлампия Канониди, курировавшего станцию в ИЗМИРАНе. Уже своим незаурядным внешним видом профессор производил слегка интригующее, загранично-оптимистичное, бодрящее впечатление. С ним тянуло познакомиться, и за этим дело не стало.

Через некоторое время меня пригласили в кабинет, где я мог рассмотреть профессора поближе и внимательнее. Высокий лоб, чуть рыжеватые жидкие волосы, зачёсанные набок, на русского не похож, скорее на прибалта или скандинава. Деловой костюм, скромный галстук. Безымянный палец и мизинец правой руки не разгибаются, отчего, видимо, избегает рукопожатий. Светлые глаза смотрят пристально. Речь энергичная,

обрывистая, не просто с сильным акцентом, но местами какая-то коверканная, засорённая частыми "так сказать". И внешний вид, и речь не оставляли сомнения в том, что это человек волевой, решительный, энергичный. В манере держаться есть что-то развязное, актёрское, но не отталкивающее, а скорее наоборот, привлекательное, по первому впечатлению, во всяком случае. Похож, пожалуй, больше на какого-нибудь американского бизнесмена, чем на профессора. Мне он понравился с первого взгляда, а ещё более после разговора с ним. Разговор был сравнительно недолгим.

— Как у Вас диссертация? - спросил профессор.

— Представил к защите. Осталось оформить и разослать автореферат.

— Это надо быстро кончать, так сказать. Я предлагаю Вам работать здесь у меня. У меня такие люди нужны, чтобы мозги были. Вы меня поняли? Потом я буду иметь здесь кафедра в университете, и там надо будет преподавать. Я хотел, чтобы Вы тоже преподавали. Я думаю, это полезно, так сказать. Нам нужны будут кадры, и надо их готовить, так сказать. Вы меня поняли?

— Я сказал, что не возражал бы и против преподавания, но в первую очередь желал бы заниматься научно-исследовательской работой.

— У нас здесь будет большой коллектив. Я уже создал один институт, там в Иркутске, так сказать. Были одни берёзы, а теперь там делают эталоны времени и частоты, так сказать. Ну как, Владимир Васильевич, - обратился он к Мигулину, - возьмём товарища? По-моему, он нам подходит.

— Что же, почти кандидат наук, жена здесь работает, квартира есть. Если товарищ Намгаладзе не возражает, мы его можем принять, - согласился Мигулин.

— Сколько ему можно дать? Надо максимум младшего научного сотрудника - это 135 рублей.

— И здесь Мигулин не возражал.

— Пишите заявление, - Гострем дал мне лист бумаги и ручку.

— И я написал заявление о приёме на работу с 1-го февраля 1970 года.

— А что раньше не хотите?

— У меня ещё есть аспирантские дела в ЛГУ, я там не рассчитался полностью, надо съездить в Ленинград.

— Ну, ладно. - Гострем завизировал моё заявление, отдал его Мигулину, тот положил к себе в папку.

— Поздравляю Вас, - сказал Гострем.

— Желаю успеха, - сказал Мигулин.

— Спасибо, - ответил я и вышел из кабинета.

— Вот так неожиданно быстро разрешилась проблема моего трудоустройства. Я даже не успел с Сашенькой посоветоваться, хотя возможность остаться в Ладушкине имелась в виду и обсуждалась нами после рассказов Тихомировых о первом визите Гострема. Мы уже были готовы смириться с тем, что жить придётся с подмоченной в глазах местных властей репутацией, лишь бы взяли на работу. Выбирать-то было не из чего, и не в моём положении следовало раздумывать. Да и сам Гострем заинтриговал. Похоже было, что он собирается всколыхнуть местное болото. Наконец, университет, новые люди. Интересно, по крайней мере, посмотреть, что тут затевается.

(продолжение следует)